

между сообществами, у каждого из которых своя культура, и их сплочению с валлийским языком и культурой; к построению сознательного общества, осознающего свою роль в глобальном мире. Вскоре начнет работу новая Валлийская комиссия по вопросам высшего образования и науки (TERCW), которая возьмет на себя координирующую функцию в области высшего и послевузовского образования и будет заниматься налаживанием взаимодействия между вузами и валлийским обществом.

В этой связи стоит перечислить рекомендации, подготовленные Джоном Годдардом, Эллен Хэйзелкорн, Стиви Аптоном и Томом Боландом и опубликованные в их докладе Maximising Universities' Civic Contribution (2018):

- власти Уэльса должны разработать стратегию для всего сектора постдипломного образования;
- вовлеченность в общественную жизнь должна быть формально закреплена в качестве одного из аспектов оценивания деятельности университетов;
- нужно создавать региональные вузовские кластеры для улучшения планирования на местах и усовершенствования процесса принятия решений во взаимодействии между вузами и другими представителями общества и экономики;
- нужно поощрять сотрудничество между университетами и другими учебными заведениями, не относящимися к сектору всеобщего образования;
- нужно стимулировать и расширять возможности для непрерывного обучения и дополнительного образования для взрослого населения, поскольку это ключевая обязанность и неотъемлемая часть общественно-гражданской миссии вузов;
- нужно обеспечить университетам финансовую поддержку для повышения их вовлеченности в жизнь местных сообществ, но только при условии, что эта работа будет направлена на достижение целей, актуальных для Уэльса на национальном и региональном уровне.

Необходим комплексный и сбалансированный подход, который не позволит разделить образование, науку и общественно-гражданскую миссию на три непересекающихся между собой вида деятельности, конкурирующих друг с другом за время, деньги и статус. Нужно поощрять гармоничный подход, благодаря которому общественно-гражданская миссия станет для вузов ключевой, а сами вузы как «институциональные граждане» Уэльса продолжат работать на благо своего региона.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10936>

.....

Глобальный ландшафт частного высшего образования

Дэниел К. Леви

*Дэниел К. Леви — заслуженный профессор департамента образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США.
E-mail: dlevy@albany.edu.*

Мы регулярно публикуем материалы, подготовленные сотрудниками PROPHE (Программы изучения частного высшего образования).

Частное высшее образование получает все более широкое распространение во всем мире, и поэтому важно понимать сравнительную ситуацию в разных странах. Теперь это стало возможным благодаря появлению первой в мире надежной комплексной базы данных о высшем образовании: <https://prophe.org/en/global-data/global-data-files/global-enrollment-by-country/>. Она содержит данные о высшем образовании в 192 странах, хотя сравнительные данные и по государственному, и по частному сектору доступны только для 179 стран. Проведенный анализ основан на данных 2010 года (возможности для лонгитюдного сравнения ограничены).

Статья отражает двойственную природу глобального частного высшего образования разных стран. С одной стороны, частное высшее образование уже распространено во всех уголках мира. С другой — оно развивается непропорционально: подавляющее большинство частных вузов расположены в крупнейших системах высшего образования. Это, безусловно, впечатляет, но составить цельное представление о глобальном ландшафте частного высшего образования можно, лишь изучив паттерны его распространения в мире.

Частное высшее образование распространено во всем мире

Массовизация высшего образования, конечно, не является неотъемлемым условием развития частных вузов, но, без сомнения, способствует ему. Еще пару десятилетий назад во многих странах вообще не было или почти не было частных вузов. Но в последнее время их доля на рынке высшего образования стремительно растет, хотя при этом сектор государственного высшего образования тоже расширяется беспрецедентно интенсивными темпами (с точки зрения абсолютного числа студентов). И если в относительных цифрах темп развития частного высшего образования

наконец начал замедляться, то в абсолютных он по-прежнему высок. Только в ходе первого десятилетия XXI века доля частного высшего образования в мире увеличилась в целом с 28% до 33%, при этом число студентов частных вузов за это время более чем удвоилось — с 27 млн до 57 млн. По самым скромным оценкам, сейчас этот показатель составляет минимум 75 млн.

Одним из примеров меняющегося мирового образовательного ландшафта можно считать почти полное исчезновение систем с государственной монополией на высшее образование (см. мою статью «Исчезновение государственной монополии» в 94-м выпуске этого журнала). Если рассматривать упомянутую выше выборку из 179 стран, частных вузов нет, наверное, всего лишь в десяти из них, хотя и они уже рассматривают возможности создания частных вузов или разрешают их создание в той или иной завуалированной форме (например, разрешают международные вузы, но не местные). Можно сделать вывод, что 98% всех студентов в мире учатся в странах, где существуют и государственные, и частные вузы.

Но (практически) повсеместная распространенность частных вузов не единственный заслуживающий внимания факт. В середине XX века американский сектор частного высшего образования занимал господствующее положение в мире. Хотя он по-прежнему лидирует по качеству, престижности, богатству и исследовательской деятельности, к настоящему времени его доля упала до 10% и продолжает сокращаться. Главный современный гигант — это Индия с ее 12 млн студентов частных вузов, что более чем в 2 раза превышает их число в любой другой стране. Однако, даже если бы Индия вдруг исчезла с лица земли, общая доля студентов частных вузов в мире снизилась бы всего с 33% до 29%. Распространенность частного высшего образования достигла таких масштабов, что ни одна страна больше никогда не сможет быть мировым лидером по количественным показателям, как когда-то США. Более того, если не брать в расчет случай Бразилии, то исчезновение любой страны с крупной системой частного высшего образования привело бы к снижению доли частного высшего образования в соответствующем регионе максимум на 2% (а исчезновение двух основных стран по объемам системы частного высшего образования — максимум на 3%). Частное высшее образование распространяется по всем регионам, от страны к стране.

По самым скромным оценкам, число студентов частных вузов в настоящее время — минимум 75 млн.

Стремительное развитие частного высшего образования в мире происходит во многом за счет развивающихся стран, в которых наблюдается расширение системы высшего образования в целом. В некоторых развивающихся странах, в особенности в Китае, довольно большой сектор частного высшего образования, хотя относительное число студентов там по-прежнему невелико. В других странах, например в Бразилии, Индии, Индонезии, наоборот, доля частных вузов довольно велика. Почему частное высшее образование так быстро распространяется именно в развивающихся странах? Одна из причин заключается в том, что у правительств этих стран не хватает денег на поддержку государственного сектора в условиях массовизации. Другая причина состоит в том, что в развитых странах формирование систем высшего образования проходило в условиях практически неоспоримого фактического и нормативного доминирования государственных вузов, в то время как в развивающихся странах массовизация высшего образования проходила в контексте масштабной приватизации в различных сферах общественной жизни, из-за чего частное высшее образование и получило такое широкое распространение.

Частные вузы сосредоточены в крупнейших странах

Но несмотря на все это частное высшее образование развивается в мире отнюдь не равномерно. В одних странах частные вузы распространены значительно больше, чем в других. Если в среднем доля частных вузов на мировом рынке высшего образования составляет 33%, то медианное значение — всего 20%. Более 40% частных вузов мира сосредоточено всего в трех странах: Индии, США и Бразилии. Более того, можно подобрать 17 комбинаций из трех стран (в них всегда будет входить Индия) так, чтобы на них приходилась треть всего мирового частного высшего образования. С одной стороны, удивительно, что такая большая доля мирового частного высшего образования приходится на такую маленькую группку стран, но, с другой стороны, тот факт, что таких комбинаций целых 17, тоже показывает, насколько этот феномен стал распространен в мире.

Наиболее яркое проявление концентрации частных вузов в определенных странах — это их доля в странах с крупной системой высшего образования. Конечно, можно предположить, что между общим числом студентов в стране и числом студентов частных вузов есть корреляция. Если взять 10 крупнейших стран по числу студентов (более 3 млн на страну), то на них приходится 58% от общего числа студентов в мире — и целых 69% от мирового числа студентов частных вузов. Если отобрать 10 стран с крупнейшей системой частного высшего образования, то их мировая доля по числу студентов частных вузов будет всего на 2% выше — 71%. В обоих случаях 9 из 10 стран останутся неизменными, только во втором случае Филиппины

заменяют Турцию. Вот эти страны (в порядке убывания объема частного сектора): Индия, США, Бразилия, Китай, Япония, Индонезия, Южная Корея, Иран, Филиппины, Россия. В шести из них сектор частного высшего образования больше государственного. И если в первой десятке преобладают азиатские страны, то в следующей десятке — преимущественно латиноамериканские государства.

Это последнее наблюдение указывает на то, что уровень развития частного высшего образования зависит не только от страны, но и от региона. Впрочем, это тема для отдельного обсуждения. Данная статья показывает, что частное высшее образование распространено по всему миру, но при этом сосредоточено главным образом в странах с крупной системой высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10937>

Управление высшим образованием в арабском мире и случай Туниса

Аднан Эль-Амин

*Аднан Эль-Амин — профессор наук об образовании Университета Ливана, член Ливанской ассоциации исследований образования (LAES) и Арабской информационной сети по образованию (Shataa).
E-mail: elamine.adnan@gmail.com.*

Государственные вузы арабских стран долгое время терпели последствия феномена, который можно было бы назвать политической моделью управления. Модель основана на тотальной зависимости вузов от политического влияния на всех уровнях и даже в горизонтальном разрезе. Модель вызывает замедление мыслительных процессов, подрывает систему производства знаний и ограничивает роль вузов как проводников социальных изменений. Это господствующая модель для всего арабского мира, за исключением Туниса, который, кстати, также стал единственной страной, где «арабская весна» удалась и который продолжает двигаться по пути демократии и прогрессивных реформ, несмотря на некоторые помехи.

Политическая модель

Недавно в Бейруте вышел сборник, посвященный истории десяти государственных вузов арабских государств (старейших в своих странах) от момента их

основания и до 2016 года. Исторический анализ показывает, что в большинстве своем государственные вузы арабских стран перешли к политической модели управления в 1970-х годах, отказавшись от преобладавшей ранее наполеоновской модели. Наполеоновская модель — порождение французской системы, основанной Наполеоном Бонапартом (1769–1821) и подразумевающей централизованную (ориентированную на потребности государства) и светскую систему высшего образования, которая четко делится на профессиональные учебные заведения, академически ориентированные учебные заведения и — отдельно — исследовательские институты (которые тоже управляются централизованно).

В 1977 году президент Египта Анвар Садат издал закон, запретивший политическую деятельность в университетах. Руководствуясь этим законом, агенты служб безопасности стали устраивать контрольные пункты на входе в университетские здания и вмешиваться в университетское самоуправление. По сути, Садат возродил жесткие традиции эпохи правления Насера (1953–1970), хотя, как ни парадоксально, в экономической сфере он при этом проводил либеральную политику, а его внешняя политика характеризовалась повышением открытости Западу и Израилю. Для ослабления непрекращавшегося политического влияния в вузах идеологии насеризма Садат прибегал к помощи представителей консервативных исламистских сил — и среди преподавателей, и среди студентов. Его преемник Хосни Мубарак, находившийся у власти до 2011 года, использовал тот же подход. Следует отметить, что правозащитная организация Human Rights Watch многократно писала о нарушениях прав человека в египетских вузах, а приток иностранных студентов и преподавателей, приезжавших в государственные университеты Египта в рамках международного обмена, за время правления Мубарака снизился. Параллельно с этим после нефтяного кризиса 1973 года страны Персидского залива начали усиленно переманивать к себе египетскую профессуру. Чтобы иметь возможность «поставлять на экспорт» больше доцентов и профессоров, египетские вузы стали выдавать больше степеней PhD, что привело к академическому инбридингу. Впоследствии преподаватели, поработавшие и прожившие в консервативных странах Персидского залива, возвращались домой нуворишами и были чрезвычайно довольны текущим положением дел.

Во времена правления партии «Баас» в Сирии Дамасский университет оказался под пристальным контролем, под колпаком политической идеологии. Мало того что секретные службы заставили ученых «замолчать», ограничив их академическую свободу, преподавателям еще и приходилось использовать язык партии «Баас». Все началось в 1970-х годах, когда в Дамасском университете открылось отделение партии с дополнительными представительствами на различных факультетах. Законом от 1970 года профсоюз преподавателей (основанный в 1935 году как независимая структура)